

Т. Ф. Пирожкова

«ХЛОПОЧУ ОКОЛО КОЛЕСНИЦЫ»
(И. С. АКСАКОВ В ОПОЛЧЕНИИ)

К 170-летней годовщине начала Восточной войны
и к 200-летию со дня рождения И. С. Аксакова

Резюме

В статье речь идет о службе И. С. Аксакова в 1855 г. в Московском ополчении — он вступил в него добровольцем в последний день царствования Николая I. Шла Крымская война, и Аксаков считал бесчестным в трудную годину не послужить Отечеству. Квартирмейстер Серпуховской дружины Московского ополчения, он сразу же, в период снаряжения, столкнулся с неприятными проблемами, главной из которых было воровство, которое, по его наблюдениям, в военном ведомстве было более значительным, чем в гражданском. И в походе квартирмейстер как мог оберегал ратников от корыстолюбия ротных командиров. Московское ополчение дошло до Одессы и Бендер, но в военных действиях не участвовало, поскольку уже велись переговоры о мире. Опыт, приобретенный от жизни с крестьянами бок о бок в течение года, Аксаков считал очень полезным для себя — он пригодился ему в дальнейшей жизни.

Ключевые слова: И. С. Аксаков, Крымская война, Московское ополчение, доброволец, Серпуховская добровольческая дружина, квартирмейстер, снабжение, воровство, военный поход, письма

Tatyana F. Pirozhkova

“I AM BUSTLING ABOUT A CHARIOT”
(IVAN S. AKSAKOV IN THE MILITIA)

In Commemoration of the 170th Anniversary of the Start of the Eastern War and of the Bicentennial of Ivan S. Aksakov

Abstract

This article is about Ivan Sergeevich Aksakov's service in the Moscow Militia in 1855. Aksakov joined the Militia as a volunteer on the last day of Nicholas I's reign. Since the Crimean War was going on, Aksakov thought it dishonest not to serve his fatherland in those hard times. As a quartermaster of the Serpukhov regiment of the Moscow Militia, he immediately faced unpleasant supply problems, mainly theft. According to his observations, cases of theft occurred in the military department more frequently than in the civil department. During the campaign, Aksakov did his best to protect soldiers from their mercenary-minded company commanders. Regiments of the Moscow Militia advanced to Odessa and Bender but did not engage in actual combat action since peace negotiations were already underway. Aksakov regarded his year-long stay in the company of peasants during that military campaign as an experience that was very useful in his later life.

Keywords: Ivan S. Aksakov, Crimean War, Moscow Militia, volunteer, Serpukhov Militia regiment, quartermaster, provisioning, theft, military campaign, letters

DOI 10.31860/2712-7591-2023-4-62-75

В октябре 1853 г., 170 лет назад, Турция объявила войну России. После уничтожения русской эскадры под командованием П. С. Нахимова турецкого флота в Синопской бухте (18 ноября 1853 г.) английская и французская эскадры вошли в Черное море, 10 апреля 1854 г. без объявления войны они открыли огонь по Одессе, успешно отраженный береговой артиллерией. Буквально на следующий день, 11 апреля 1854 г., последовал манифест России о войне с Англией и Францией, где было сказано, что Россия «ополчилась не за мирские выгоды; она сражается за веру христианскую и защиту единоверных своих братьев, терзаемых неистовыми врагами» (имелись в виду славяне под турецким и австрийским владычеством. — *Т. П.*). Начавшись из-за спора с Турцией о святых местах в Иерусалиме, война была сначала войной православия с магометанством, а со вступлением в нее Англии и Франции стала войной Запада и Востока и велась врагами России в целях прекращения ее влияния на Балканах и на Кавказе.

Это была «война со всеми», как удачно выразился С. Т. Аксаков¹, с целой коалицией государств. Владеющие колониями империи призвали на театр военных действий даже аборигенов: Франция, к примеру, — зуавов, пехота которых выглядела экзотично, но была малоэффективна в пору, когда исход боя решала артиллерия.

Иван Сергеевич Аксаков (1823—1886) обладал свойством, которое его никогда не покидало, — чувством причастности ко всему, что происходило в его время. Еще до начала войны, когда тучи сгущались и Турция вооружалась, он писал родным: «Право, если будет война и не пустят меня в море, не вступить ли мне в военную службу волонтером?» [Аксаков 1994, с. 248]². После отставки в Министерстве внутренних дел (1851) Иван, хотя и выбрал между службой и литературной деятельностью последнюю, но она не очень складывалась, двери перед ним как будто закрывались, хлопывались: в 1852 г. он отредактировал том славянофильского «Московского сборника», где выступил и как критик (со статьей «Несколько слов о Гоголе»), и как поэт (с отрывками из поэмы «Бродяга» о беглом крестьянине Алешке). Но продолжение сборника запретили; и «в море» его не пустили, то есть в кругосветное путешествие на военном фрегате «Диана», и виной тому был именно этот смелый сборник, находившийся в свежей памяти у властей, на цензурном языке — «злонамеренный альманах». Весной 1854 г. Аксаков хотел попасть на Дунай, в штаб армии, поскольку на Балканах разворачивались военные действия, и снова не получилось. После встречи с Иваном в Спасском-Лутовинове И. С. Тургенев писал его отцу, писателю С. Т. Аксакову: «...обидно видеть такой запас сил, которые никуда не идут» [Тургенев, с. 210]³.

Очень остро и глубоко И. С. Аксаков переживал в ту пору наши военные неудачи: Австрия остановила движение русских войск на Дунай в подчиненные турецкому султану княжества Валахию и Бессарабию — началось обратное движение за Дунай, за Прут, снятие осады крепости Силистрия в июне 1854 г., что произвело удручающее впечатление не только на Ивана Аксакова, но и на «всю Россию»⁴.

Человек глубоко гражданский, Иван Сергеевич, однако, ясно видел просчеты руководства, в частности военного министра князя В. А. Долгорукова, не предпринявшего никаких шагов к обороне Крыма, хотя вторже-

¹ Письмо И. С. Аксакову от 28 июня 1854 г. // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. № 14. Л. 53.

² Письмо от 7 сентября 1853 г.

³ Письмо от 20, 23 ноября 1853 г.

⁴ Письмо С. Т. Аксакова И. С. Аксакову от 9 августа 1854 г. // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. № 14. Л. 58.

ния неприятеля на полуостров можно было ожидать уже с весны 1854 г., а Севастополь — важнейший стратегический пункт — был совершенно не укреплен с суши. И главнокомандующий русскими войсками в Крыму князь А. С. Меншиков совершал — одну за другой — военные ошибки: не только не противодействовал высадке французов около Евпатории 1 сентября 1854 г., но и отступил к Бахчисараю, поставив в опасное положение Севастополь, затем — в сентябре и октябре — проиграл два сражения: при Альме и Инкерманское. В силу своей беспечности (не посетил ни один бастион!) допустил, чтобы солдаты при нем голодали. Неумелый руководитель, он в феврале 1855 г. был смещен с должности и заменен М. Д. Горчаковым.

Тогда же, а именно в последний день царствования императора Николая I — 18 февраля 1855 г., — Иван Аксаков добровольно, «по требованию совести», вступил в ополчение. Манифест «О призывании к государственному ополчению» император подписал 29 января 1855 г., «Московские ведомости» напечатали его 3 февраля; через две недели Аксаков принял решение.

Поступок Ивана Аксакова — поступок необычный на фоне общего равнодушия к ополчению дворян, которые не считали постыдным откупаться от воинского долга всеми возможными способами, о чем имеются авторитетные свидетельства современников. В «Записках» славянофил А. И. Кошелёв писал: «...шли в ополчение только те дворяне, которые с приличием не могли от того уклониться; а кого освобождали лета, здоровье или особенные семейные обстоятельства, те, с едва скрываемою радостью, отказывались от чести и долга защищать свое отечество» [Кошелев, с. 58]. Другой славянофил, Ф. В. Чижов, живший в то время в Малороссии, тоже свидетельствовал о трудности набора в ополчение⁵. И сестра Ивана Аксакова Вера отмечала в дневнике, что ополчение не возбуждало сочувствия, потому что походило на набор, в который включили дворян: «Никто из порядочных людей не хотел идти в Моск(овское) ополчение» [Аксакова, с. 180, 181].

Николай I с 1825 г., со своего вступления на престол, осложненного восстанием декабристов, и до смерти не переставал обижаться на русское дворянство, не простил ему и холодного отношения к ополчению. Но манифест действительно мало кого мог воодушевить: он был написан казенным языком; царь не призывал создать ополчение, а повелевал его составить («Ополчение призвать немедленно в губерниях...»), дружины назывались не по городам, а по номерам: Верейская — № 109, Серпуховская — № 111 и т. д. Этот немецкий распорядок совершенно не прижился на русской почве,

⁵ Чижов Ф. В. Дневник за 1855 г. // ОР РГБ. Ф. 332. Карт. 2. № 8. Л. 4.

дружины по номерам себя не называли, а «всегда по городам: Верейские, Серпуховские или просто — „Руза прошла“» [Аксаков 1994, с. 359]⁶.

Став штабс-капитаном Серпуховской дружины Московского ополчения, Иван «повеселел и помолодел» [Аксаков 1994, с. 344]⁷, сшил себе новый мундир, в котором щеголял в знакомых домах: он не уклонился от общей судьбы, от исторической повинности, «изъявил готовность участвовать в опасностях, угрожающих России, чьей бы виной они ни были навлечены». Призыв к ополчению он понял как «возвещение об опасности», угрожающей родине: «...когда относятся к вам в ваш кабинет и говорят, что России грозит опасность, ответ может быть только один: „Вы говорите, что грозит опасность? Я готов защищать Россию от опасности“» [Аксаков 1994, с. 343, 344]⁸.

В славянофильском окружении в ополчение не пошли ни Н. А. Елагин, ни Э. А. Дмитриев-Мамонов. В елагинском семействе объявление об ополчении вызвало переполох: «Николая Елагина, не поехавшего на тульские выборы (жил в Тульской губернии. — *Т. П.*), выбрали заочно в офицеры Белевской дружины: вчера пришло к ним это известие и очень их смутило. Вся семья думает о том, как бы высвободить его из ополчения, чего и можно достигнуть разными способами: к тому же он записан сам по Калужской губернии, а в Тульской только имение его матери. Он, я думаю, не стал бы отказываться, если б не Авдотья Петровна (его мать. — *Т. П.*), для которой разлука с ним будет очень тяжела; но забавно видеть с ними Хомякова, который настоятельно требует, чтоб он шел в ополчение, и сердит всю семью» [Аксаков 1994, с. 338]⁹. Недовольство А. С. Хомякова можно понять: он участник Турецкой кампании 1828 г. и сейчас сам готов был бы пойти снова в бой, если бы не семеро его детей, мать которых, Екатерина Михайловна, умерла в 1852 г.

Иван не был уверен, что его шаг верно поймут родственники. У родных осведомлялся о своем дяде Аркадии Тимофеевиче Аксакове (между прочим, гвардейском прапорщике): «Что он говорит про мое поступление на службу в ополчение? верно бранит» [Аксаков 1994, с. 381]¹⁰.

Первоначально этот поступок не оценили даже в семье: брат Константин прямо высказал недовольство, и тяжело было Ивану слышать от него «одно порицание и осуждение предпринятому делу» [Аксаков 1994, с. 348]¹¹.

⁶ Письмо от 1 августа 1855 г.

⁷ Письмо от 8 апреля 1855 г.

⁸ Письмо от 8 апреля 1855 г.

⁹ Письмо от 3 апреля 1855 г.

¹⁰ Письмо от 22 июля (1855 г.).

¹¹ Письмо от 16 апреля 1855 г.

Мудрый отец свое неодобрение высказал деликатно: «Должно предположить, что случилось необыкновенное событие, чтоб кто-нибудь из моих сыновей вступил в военную службу, которая всегда была так чужда нашему направлению и вашему воспитанию! Ну да будет всё сие ко благу»¹². Сергей Тимофеевич допустил неточность: Иван вступал не в военную службу, не в армию, а в ополчение.

От избрания в дружинные начальники Иван отказался, им стал граф Иван Петрович Толстой, сын П. А. Толстого, генерала от инфантерии, участника Отечественной войны 1812 г., во время которой сам формировал ополчение.

Ивану Сергеевичу была поручена в дружине казначейская и квартирмейстерская части. Родным он объяснил: «На моих руках хозяйство целой дружины: снабжение людей провиантом, лошадей фуражом, прием и хранение амуниции, вещей, размещение, счетоводство, ведение бесчисленного множества книг, табелей и ведомостей» [Аксаков 1994, с. 346]¹³.

Труд тяжелый, совершенно чуждый его поэтической натуре, но ведь он сам сделал выбор между бездействием и гражданской ответственностью, в принимаемых решениях на протяжении всей жизни сохранял независимость, а потому и не унывал: «Как ни скучны, ни противны мне подчас мои теперешние занятия, все же я радуюсь тому, что несу свою долю тяготы в эту эпоху, что я тоже будто работаю и хлопочу около колесницы...» [Аксаков 1994, с. 347]¹⁴.

Занятия Ивана, писала его сестра Вера, «другим и *доверять нельзя*» [Аксакова, с. 181]. Собственно, «других» и не было — при начале формирования дружины в ней насчитывалось свыше 600 человек, а офицеров, кроме Ивана, всего один. Впоследствии в дружине уже 1200 человек, но офицерское пополнение — из-за равнодушия дворянства к ополчению — никуда не годное. На смотре начальник ополчения граф С. Г. Строганов убедил трех назначенных офицеров-пьяниц подать в отставку. «Просто грех было назначать таких людей и поручать им крестьян!» — возмущался Иван [Аксаков 1994, с. 353]¹⁵.

За все время похода Аксаков насчитал в дружине всего четырех знавших военную службу офицеров, которых в письмах родным назвал по фамилиям (Васильев, Жеглинский, Песков, Аргамаков) [Аксаков 1994, с. 397]¹⁶. Все

¹² РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. № 5. Л. 50–50 об.

¹³ Письмо от 16 апреля 1855 г.

¹⁴ Письмо от 16 апреля 1855 г.

¹⁵ Письмо от 3 июля 1855 г.

¹⁶ Письмо с 11 на 12 ноября 1855 г.

остальные — ротные командиры — общая, неразличимая масса, от него очень далекая, обмен мыслями с которой для него невозможен: пьют, курят, играют в карты, жадны до денег. В течение целого года (от весны 1855-го до весны 1856-го) Иван, совершенно одинокий среди множества людей, сокрушался, что в дружинах нет таких, как Николай Елагин, Юрий Федорович Самарин, — нравственный климат был бы совсем иной.

Аксаков никогда не видел, как проходит набор в ополчение, наблюдал его впервые. Процедура недолгая: в тесной грязной комнате доктор со всех сторон осматривает будущего ратника, никакие внутренние болезни при таком внешнем осмотре, конечно, не видны: «Хорош». За несколько минут судьба решена. Дом и двор наполнены взволнованными людьми; чтобы вести себя посмелее и легче перенести неизбежное, многие уже «совершенно пьяны» и «поют пьяные песни». Всё это совершается под неумолкающее голошеньё и причитания баб. Главное — как в рекруты, так и в ополченцы люди идут «с неохотой» [Аксаков 1994, с. 347]¹⁷.

Иван не понимал равнодушия дворян к ополчению — ратников ожидает, возможно, гибель в бою. Отец сообщил ему, как встречал Костромское ополчение, начальником которого выбрали его друга Федора Ивановича Васькова. При виде этой черной кольшущейся крестьянской массы, не обученной военному искусству, Сергей Тимофеевич смутился: «...сердце мое сжалось от такой глубокой жалости, какой, мне кажется, я никогда не испытывал (...) Я не заметил ни малейшего признака силы и бодрости в этой народной силе. Я не заметил ни одной молодцеватой фигуры! (...) Я вообразил их себе в сражении с французами, и они показались мне жертвами, которых ведут на заклание» [Аксаков 1892, с. 159]¹⁸. Иван был того же мнения: «Жалость, которую испытали Вы, не раз испытываю и я, смотря на наших ратников. Перестреляют их французы всех как куропаток» [Аксаков 1994, с. 370]¹⁹.

Как двинулась Серпуховская дружина, в которой был его сын, Сергей Тимофеевич не видел: Иван, заваленный делами, не имел времени поехать в Абрамцево для прощания, потом посчитал, что заочное прощание для родителей значительно легче очного; провожать его приехал только Константин. При нем Серпуховская дружина отправилась в путь — Московское ополчение шло в Киев.

Аксакова огорчало не только безразличие к ополчению, но и преступные злоупотребления московских властей, с которыми он столкнулся еще на стадии снаряжения ратников для похода. По должности именно он зани-

¹⁷ Письмо от 16 апреля 1855 г.

¹⁸ Письмо от 25 августа 1855 г.

¹⁹ Письмо от 5 сентября 1855 г.

мался приемом вещей, поступавших от Московского губернского комитета, председателем которого являлся губернатор граф А. А. Закревский, — присылаемое оказалось очень скверного качества, вещи «отвратительнейшие», по отзыву приемщика. Иван сразу обнаружил воровство: «воровство самое наглое; украдено денег, конечно, больше, чем наполовину» [Аксаков 1994, с. 349]²⁰. Действительно, Московское ополчение очень скудно снабжалось по сравнению с другими (например, с Тульским). Чтобы предупредить воровство в дружине, Аксаков раздал ратникам перечень того, что им полагалось на обед и ужин, вызвав своим поступком недовольство ротных командиров: «Вообще военная честь очень странная честь (...) По военным понятиям не марает мундира — класть казенную экономию в карман, обижать жителей, дать мужику „в зубы“, когда он приходит со справедливой жалобой, ругаться бесчеловечно над жидом и т. д. и т. д.» [Аксаков 1994, с. 365]²¹.

Иван, находясь в ополчении, сделал неприятное открытие: в военном ведомстве воруют «в тысячу раз сильнее» [Аксаков 1994, с. 403]²², чем в гражданском.

Удивительно при этом, что казначей Серпуховской дружины, чья честность была безупречной, дела которого начальник Московского ополчения граф Строганов нашел «в отличном виде» [Аксаков 1994, с. 352]²³, не мог в отчете показать сэкономленное, так как его тотчас отнимут и у него не будет денег, чтобы покрыть неизбежные издержки, которые не признавались властями [Аксаков 1994, с. 382]²⁴. К примеру, денег на лазарет не отпускалось ни копейки, а в Серпуховской дружине и лазарет был, и фельдшер на жалование, и лекарства ополченцам покупались; данные расходы Ивану требовалось проводить по какой-нибудь другой статье, изворачиваться, хитрить, что очень тяготило его, причиняло нравственные муки. Все лгали — и те, кто выдавал деньги, и те, кто за них отчитывался. И перспектив на изменения не имелось: «Чего можно ожидать от страны, создавшей и выносящей такое общественное устройство, где надо солгать, чтоб сказать правду, надо поступить незаконно, чтобы поступить справедливо, надо пройти всю процедуру обманов и мерзостей, чтобы добиться необходимого, законного!» [Аксаков 1994, с. 403]²⁵. Неудивительно, что отчетные бумаги Ивана Аксакова Строганов не принял: его отчет ясно показывал, сколько украдено в других дружинах ополчения.

²⁰ Письмо от 21 мая 1855 г.

²¹ Письмо от 25 августа 1855 г.

²² Письмо от 23 ноября 1855 г.

²³ Письмо от 3 июля 1855 г.

²⁴ Письмо от 6 октября 1855 г.

²⁵ Письмо от 23 ноября 1855 г.

Наградой Ивану было только любовное отношение к нему ратников, которые ценили его заботу о них и то, что с ним можно было поделиться глубоко затаенным и горько переживаемым: «...мужик лет 50-ти, рассказывал мне со слезами на глазах, что у него 7 человек детей, один другого меньше, что жена его умерла месяца два тому назад (...)» Что дети его ходят по миру [Аксаков 1994, с. 406–407]²⁶.

Когда Иван готовил дружину к походу, хлопот было столько, что он не замечал ни весны, ни вообще ничего, что не имело непосредственного отношения к его деятельности. Но вот двинулись в путь, и он тоже оказался очень непростым — главным образом по причине известного национального недостатка. Еще перед походом, в Серпухове, ратники успели напиться, некоторые идти не смогли, их положили на телеги. Женщины не простились у заставы, как приказало начальство, а, опережая дружину, бежали в кабаки за вином для мужиков, отстали от дружинников только верст за сто от Серпухова. Дошли до Новгород-Северска, тут дешевизна водки снова породила сильное пьянство [Аксаков 1994, с. 367]²⁷. То же самое — в Малороссии, где ратников встречали даже лучше, чем в России, но они оказались совершенно бесчувственны к такому приему: «...как жадные волки на овец, бросаются на горилку, напиваются пьяны до безобразия» [Аксаков 1994, с. 368]²⁸, во дворах гоняются за курами и гусями, воруют и режут их, так что хозяйки стали запирают двери сараев на замок. При приближении к югу ратники снова пьют, но теперь «с горя» [Аксаков 1994, с. 382]²⁹, от тревожного предчувствия возможной гибели.

Для брата Константина мужик являлся «высшим идеалом» человека, он считал, что русский народ «ищет Царствия Божия». Иван, окончив Училище правоведения, по служебным надобностям около десяти лет ездил по России, народ узнал хорошо, но никогда ему не льстил, видя, что он разный, и сейчас, в походе, он жил с этим народом одной жизнью, ел из одного котла. По его словам, многие ратники вели себя «прекрасно», но на недостатки народа Иван глаза не закрывал. В оправдание пьяного мог сказать одно: сейчас он не крестьянин и не солдат, к дисциплине не приучен, смысла ведущейся войны за «единоверцев наших на Востоке» совершенно не понимает и потому не чувствует никакого одушевления [Аксаков 1994, с. 368]³⁰.

²⁶ Письмо от 8 декабря 1855 г.

²⁷ Письмо от 25 августа 1855 г.

²⁸ Письмо от 2 сентября 1855 г.

²⁹ Письмо от 6 октября 1855 г.

³⁰ Письмо от 2 сентября 1855 г.

Серпуховская дружина не была исключением: сестра Вера в сентябре 1855 г. записала в дневнике, что пришедшая в Москву Вологодская дружина первым делом разнесла кабака на Воробьевых горах [Аксакова, с. 218].

Другая важная проблема, обсуждаемая Иваном в письмах к родным, — настроение населения, жившего вблизи района военных действий: оно было мало расположено к пришельцам из России. Южные губернии в результате войны превратились в вулкан: «Вишь, говорят, „хранцузы“, „хранцузы“: к нам своя сила пришла!»; «...нам пуше турок — свои» [Аксаков 1994, с. 365]³¹. Это в Малороссии.

Ту же картину Иван наблюдал в Бессарабии. Посетив Бессарабию по делам службы еще в 1848 г., Иван знал, что она — пристанище беглых крестьян. «Ты беглый?» — спрашивает Иван извозчика (дело происходит в 1848 г.). «Беглый, ваше благородие!» — не таясь отвечает крестьянин (кого ему бояться, какой помещик будет искать его?!). Такой же разговор произошел у Ивана с извозчиком-бородачом в 1855 г. — «черт ли ему в России!» Она для него страшилище, страна неволи, солдатства, полицейщины, казенщины, крепостного права [Аксаков 1994, с. 407]³². А здесь он вольная птица, и в Россию беглый не побежит, скорее побежит «Турцию населять» [Там же].

Такие настроения на юге России бытовали на фоне неудач русской армии, следующих одна за другой с трагической неизбежностью. «А как скверно идут наши военные дела!» — сетовал Иван [Аксаков 1994, с. 351]³³. Это письмо написано после того, как Керчь мы отдали без боя (ввиду невозможности противодействовать нападению), после неудачного сражения на Черной речке, когда наши войска встретили отчаянный отпор французов, — все командиры вплоть до ротных полегли, раненые достались неприятелю, с поля боя не успели вынести даже тело убитого генерала Н. А. Реада, командовавшего атакой; князь Горчаков в донесении военному министру называл ужасающую цифру потерь на Черной речке — от 7 до 8 тысяч человек.

А чтение депеши о переходе русской армии с южной стороны Севастополя на северную «перевернуло меня всего» — признавался Аксаков [Аксаков 1994, с. 372]³⁴. Какое бесславие, какая несостоятельность! Но Севастополь должен был пасть, считал Аксаков, как «обличение гнили правительственной системы» [Аксаков 1994, с. 385]³⁵.

³¹ Письмо от 25 августа 1855 г.

³² Письмо от 3 декабря 1855 г.

³³ Письмо от 5 июня 1855 г.

³⁴ Письмо от 9 сентября 1855 г.

³⁵ Письмо от 14 октября 1855 г.

Так думал не он один. Сергей Тимофеевич, сначала веривший в благоприятное для нас окончание войны, в значительной части под влиянием сообщаемого Иваном о лихоимстве и казнокрадстве в действующей армии, о равнодушии властей к нуждам защитников отечества, о голоде в Севастополе пришел к выводу, что «мы не стоим торжества»³⁶. Такое же горестное заключение сделал и поэт Ф. И. Тютчев (в будущем тесть И. С. Аксакова), который сообщал жене, что крах — неизбежное следствие правления Николая I, неудачи в войне закономерны и даже «справедливы»: «...было бы совершенно неестественно, если бы тридцать лет неспособного управления (1825—1855. — *Т. П.*), подкупов и злоупотреблений могли привести к успехам и к славе» [Русский архив, с. 520]³⁷.

Летом 1855 г., уже при новом царе, Александре II, снова объявили призыв в ополчение, он касался Поволжья, Самарской и Симбирской губерний. Зная о том, что официальный состав дружин хуже некуда, Ю. Ф. Самарин пошел в ополченцы, спасая младших братьев³⁸.

Его друг Константин Аксаков, переменявший к этому времени отношение к ополчению, радовался за Самарина: дескать, он «короче» узнает русский народ и обогатится душевно от него³⁹. Возможно, Самарин улыбался, читая глубокомысленные сентенции друга: после отставки он уже несколько лет жил в селе Васильевском Самарской губернии и самым тесным образом общался с крестьянами, занимаясь управлением, в отличие от Константина, который никаких крестьян, кроме немногочисленных дворовых в Абрамцеве, вообще не знал.

Сергей Тимофеевич, тоже изменивший отношение к ополчению, теперь извещал Ивана: «Если в Самаре будет ополчение, то Гриша (средний из братьев Аксаковых. — *Ред.*) непременно будет выбран и не откажется»⁴⁰. Ивану пришлось остужать пыл отца: «Я не одобряю намерения милого Гриши поступить в ополчение: он женат, у него семейство» [Аксаков 1994, с. 384]⁴¹. Григорий не был избран, а Самарин стал капитаном Сызранской дружины № 272 и в сентябре 1855 г. отправился набирать ратников.

Хомяков писал ему: «...мне весело и очень весело, что вы (Самарин и Иван Аксаков. — *Т. П.*) так охотно идете на это дело» [Хомяков, с. 275]⁴² —

³⁶ Письмо от 25 августа 1855 г. // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. № 14. Л. 96 об.

³⁷ Письмо от 24 сентября 1855 г.

³⁸ Письмо матери, С. Ю. Самариной, от 4 сентября 1855 г. // ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 38. № 2. Л. 1.

³⁹ Письмо без даты (1855 г.). // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. № 97. Л. 112, 113.

⁴⁰ Письмо от 29 сентября 1855 г. // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. № 14. Л. 103 об.

⁴¹ Письмо от 6 октября 1855 г.

⁴² Письмо без даты (1855 г.).

и С. Т. Аксакову осенью 1855 г.: «...Иван Сергеевич и Самарин в военном клане, в походе, на биваках, может быть, в огне и бою. Мне как-то странно за них, и грустно и весело: у них у обоих что-то лежало тяжело на груди, и нужно было эту тяжесть сдвинуть трудом внешним потому, что внутренний труд у них как-то смущался сомнением. Дай им Бог счастья и успеха! дай Бог им возвратиться к нам скоро и радостно, да и чтобы нам, сидящим дома поневоле, не стыдно было встретить их, наших ополченцев против внешнего врага» [Хомяковский сборник, с. 164]⁴³.

В связи с окончанием Восточной войны Сызранская дружина не выступила из Сызрани, до пуль дело не дошло. И Серпуховской дружине тоже не пришлось участвовать в боевых действиях: из Киева ее направили не в Крым, а в Одессу, затем в Бессарабию, в Бендеры.

Иван мало понимал действия командования: необученное ополчение двигалось на юг, к району боев, тогда как резервы, должные в первую очередь пополнять убыль войска, стояли на месте; непреходящей осталась и любовь к смотрам — уже не только начальник ополчения их принимал, но и царь, и ополченцев непременно хотели научить ходить церемониальным маршем, в бою неупотребительным [Аксаков 1994, с. 391]⁴⁴.

Будущее в тумане, что делать с ополчением — не знал никто. Появились слухи о мире, и пришла неприятная новость: Серпуховская дружина прикомандировывается к Якутскому резервному полку, еще не сформированному! Военное начальство не смутило, что тем самым нарушалось данное при оформлении ополчений обещание, что дружины ополчения не будут соединены с армейскими полками.

Если ополчение войдет в состав армии, то там оно непременно потеряется, не будет заметно, стало быть, мы «лишаемся всякого смысла как ополчение» [Аксаков 1994, с. 377]⁴⁵. И вот уже многие начальники дружин хотят выходить в отставку и возвращаться домой. Строганов, начальник Московского ополчения, получил благодарственный рескрипт от государя и уехал. Военное начальство ввиду мирных переговоров бездействовало, занимаясь хозяйством, тратя на свои нужды несметные суммы и обогащаясь [Аксаков 1994, с. 419]⁴⁶.

В этих условиях Ивану Аксакову казалась бессмысленной его служба: дружина устроена, он, казначей, выдает деньги ротным командирам, то есть трудится для их карманов. «Мы с Тол(стым) составляем страшный диссонанс

⁴³ Письмо от 17 октября 1855 г.

⁴⁴ Письмо от 25–27 октября 1855 г.

⁴⁵ Письмо от 29 сентября 1855 г.

⁴⁶ Письмо от 25 января 1856 г.

в гармонии военного быта...» [Аксаков 1994, с. 369]⁴⁷. Уже и И. П. Толстой покинул дружину, на его место назначен другой.

Все — и жители, и ратники — желают мира. Ратники — потому, что они во временной службе, взяты в обстоятельствах войны и в случае мира должны вернуться обратно. Иван каждодневно вращался в этой среде и отлично знал ее настроение.

Но он в неопределенном положении, ему пока некому сдавать дела. Теперь есть возможность устроиться и в штаб армии, о чем он мечтал в начале войны, но какой смысл при толках о мире? Он ведь хотел служить «делу, а не лицам».

Только в марте 1856 г. ему удалось освободиться от должности. Письмо родным от 7 марта 1856 г. из Бендер — последнее.

Итак, Иван Аксаков прошел пешком через всю страну, из Москвы до Одессы и Бессарабии. «...Я ворочусь в Москву с огромным запасом опытности, наблюдений, воспоминаний...» — считал он [Аксаков 1994, с. 411]⁴⁸. Они, несомненно, пригодились ему в дальнейшей журналистской и публицистической деятельности. И хотя должность в ополчении, по признанию Аксакова, «невыносимо скучная», утомительная, изобилующая цифрами, мало подходящая поэту, которым он был, но и она обернется в будущем к добру: с 1874 г. Аксаков стал председателем правления московского Общества взаимного кредита. Занятия его в банке тоже были скучны, тоже с цифрами, но они помогали ему справляться со стесненными материальными обстоятельствами, обеспечивали скромную жизнь его и его жены Анны Федоровны. Еще в молодости Иван дал себе обещание не существовать за счет крепостных крестьян и всю жизнь по выходе из Училища правовередения жил на свое жалованье.

Подводя итоги службе в ополчении, он ни о чем не жалел: «Как ни тяжка была для меня служба, но я нисколько не раскаиваюсь в том, что поступил в ополчение, познакомился с этой стороной администрации и много вынес для себя пользы» [Аксаков 1994, с. 428]⁴⁹.

Весной 1854 г. Иван, как уже говорилось, мечтал попасть на Дунай: «...у меня одно в голове: Дунай!» [Аксаков 1994, с. 253]⁵⁰, у поэта есть стихотворение, которое так и называется. Заканчивалось оно следующими строками:

⁴⁷ Письмо от 2 сентября 1855 г.

⁴⁸ Письмо с 21 на 22 декабря 1855 г.

⁴⁹ Письмо от 29 февраля 1856 г.

⁵⁰ Письмо от 29 апреля 1854 г.

Так проси ж у Бога сил небесных,
Все для дня великого забудь,
Весь зажгись огнем восторгов честных,
Меж рабочих темных и безвестных
Ты везде рабочим добрым будь! [Аксаков 1994, с. 254].

Можно сказать, что Бог услышал его голос, обращенные к нему молитвы: и в 1855—1856 гг., когда Иван Аксаков находился в ополчении, как и впоследствии, жизнь ни тягостной, ни покойной для него никогда не была, а была исполнена высокого смысла; честный и неутомимый труженик, он всегда «хлопотал около колесницы».

Литература

- Аксаков 1892 — Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1892. Ч. 1, т. 3. 706 с.
- Аксаков 1994 — Аксаков И. С. Письма к родным, 1849—1856 / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994. 653 с. (Лит. памятники).
- Аксакова — Вера Аксакова. Дневники. Письма / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2013. 592 с. (Славянофильский архив).
- Кошелев — Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 годы) / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 2002. 480 с. (Лит. памятники).
- Русский архив — Русский архив. 1899. Кн. 3, вып. 12. 690 с.
- Тургенев — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т.: Письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 2. 716 с.
- Хомяков — Хомяков А. С. Полн. собр. соч.: В 8 т. М.: Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1904. Т. 8: Письма. 526 с.
- Хомяковский сборник — Хомяковский сборник. Томск: Водолей, 1998. Т. 1. 352 с.

References

- Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'makh* (1892). Moscow: Tipografiya M. G. Volchaninova. Part 1, Vol. 3, 706 p.
- Khomyakov, A. S. (1904). *Polnoe sobranie sochinenii*. 8 vols. Moscow: Tipolitografiya Tovarishchestva I. N. Kushnerev i K°. Vol. 8. Pis'ma, 526 p.
- Khomyakovskii sbornik* (1998). Tomsk: Vodolei. Vol. 1, 352 p.
- Pirozhkova, T. F., ed. (1994). *I. S. Aksakov. Pis'ma k rodnym, 1849—1856*. Moscow: Nauka, 653 p. (Literaturnye pamyatniki).
- Pirozhkova, T. F., ed. (2002). *Zapiski Aleksandra Ivanovicha Kosheleva (1812—1883)*. Moscow: Nauka, 480 p. (Literaturnye pamyatniki).
- Pirozhkova, T. F., ed. (2013). *Vera Aksakova. Dnevnik. Pis'ma*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», 592 p. (Slavyanofil'skii arkhiv).
- Russkii arkhiv* (1899). Vol. 3, 12, 690 p.
- Turgenev, I. S. (1961). *Polnoe sobranie sochinenii*: 28 vols. Pis'ma. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 2, 716 p.